

Контрразведывательная деятельность штаба Северного фронта в годы Первой мировой войны

В начале XX столетия, в условиях обострения соперничества крупных держав, потребность в разведывательной информации приобрела постоянный характер. Деятельность разведки была направлена на обеспечение правительств разносторонней и своевременной информацией, поиск каналов и средств добывания сведений экономического, политического и военного характера. В связи с этим возросло значение контрразведки, предназначенной для противодействия и пресечения разведывательной активности других государств в интересах защиты национальных интересов России. На территории военных округов функционировали контрразведывательные отделения (КРО) окружных штабов, созданные в 1906-1911-х гг., после реорганизации службы Генерального штаба и структуры управления военными округами.

Псковская губерния с 1906 года входила в юрисдикцию Петербургского окружного контрразведывательного отделения, Санкт-Петербургского военного округа. Однако основную нагрузку по наблюдению за подозрительными иностранными подданными и борьбе с «иностранным шпионством», как и в XIX веке, выполняли губернские жандармские управления и общая (исполнительная) полиция, т.к. именно она была наиболее многочисленной и организованной структурой местной исполнительной власти. Такое положение, в условиях начавшейся мировой войны, объясняло некоторую «неразбериху и сумятицу» в организации контрразведывательных мероприятий. Для борьбы с «иностранным шпионством» в военные годы привлекались разнообразные органы, Седунов Александр Всеволодович – кандидат исторических наук, ст. преподаватель Псковского филиала С.-Петербургского университета МВД России

которые зачастую и понятия не имели о специфике подобных операций, что приводило к несогласованности действий армейских подразделений, жандармов, полиции и губернского правления.

Еще одной важной чертой, вносившей диссонанс в контрразведывательные мероприятия, было отсутствие четкой нормативной базы, регламентировавшей порядок ведения контрразведки в военное время. До войны в 1911 году принимается «Положение о контрразведывательных отделениях», которое в общих чертах определяло сферу компетенции и штатную структуру военной контрразведки, а в 1912 году выходят Высочайше утвержденные Законодательные акты о «шпионстве», дополненные в 1914 году. В этих законах дается перечень сведений, не подлежащих оглашению в печати. К таковым были отнесены известия о численности и состоянии армии, о вооружении, о местах расквартирования и маршрутах движения войск, о строительстве укреплений и ряд других сведений. Однако, как вспоминал один из организаторов российской контрразведки Н.С. Батюшин, в начальный период войны, с августа 1914 по весну 1915 года, контрразведывательные структуры должны были работать «по собственному усмотрению». Именно в это время на местах, вблизи театра военных действий ряд должностных лиц выпускает свои собственные «Правила» контрразведывательной деятельности, как это сделал П.Г. Курлов.

В августе 1914 года, с началом Первой мировой войны, Псковская губерния была объявлена на военном положении, здесь размещались фронтовые резервные формирования, госпитали, тыловые службы и эвакуационный пункт. В 1915 году, после поражений русских армий на Юго-Западном и Северо-Западном фронтах для защиты Петрограда

был создан Северный фронт, штаб которого с многочисленными структурами, отделами и службами разместился в Пскове. Здесь же обосновалось Управление главного начальника снабжения. Более того, в Пскове и губернии постоянно находились многочисленные военные гарнизоны, насчитывающие до 50 тысяч человек в Пскове и до 10 тысяч человек в уездных центрах (1), здесь находился и распределительный пункт фронта, где сосредоточивались прибывшие из госпиталей и отпусков солдаты, предназначенные для отправки в действующие части. Близ Пскова, в поселке Кресты, находились лагеря для военнопленных австро-германцев, где содержалось до 20 тысяч человек. В Пскове и губернии в 1915-1917 гг. размещалось до 30 тысяч беженцев из западных регионов (2). И, наконец, станции Псков, Дно, Великие Луки, Невель, представляли собой крупнейшие железнодорожные узлы, которые в годы войны в основном обслуживали военные нужды. Помимо этого, Псков и уездные города находились вблизи линии фронта. Псков отстоял от передовой на 250-300 км. К слову сказать, в 1918 г., во время немецкого наступления на Петроград, передвигаясь по железнодорожным путям, с целью захвата крупных транспортных узлов (план Людендорфа) за неделю, с 18 по 24 февраля, немцы продвинулись более чем на 200 км.

Все вышесказанное, учитывая стратегически важное положение Пскова - крупного войскового и транспортного центра, штаба Северного фронта и дислокацию многочисленных воинских подразделений, не могло не привлекать внимание немецкой военной разведки. По мере приближения линии фронта к Пскову, разведка Германии перешла к массовой засылке своей агентуры и вербовке русских подданных в прифронтовой полосе.

Активные контрразведывательные мероприятия в Псковской губернии начались еще накануне войны. В 1913- начале 1914 года из штаба Отдельного корпуса жандармов в Губернское жандармское управление (ГЖУ) направлялись циркуляры о необходимости составления списков и контроля за численностью, составом и деятельностью

лиц, имеющих иностранное подданство, проживающих на территории Псковской губернии (3). («Инструкция ГЖУ» от 1904 г. возлагала на жандармерию наблюдение и контроль за «иностранными разведчиками» и проезжими иностранцами). Особое внимание обращалось на граждан Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Впоследствии, после начала войны, эти списки легли в основу активных мероприятий правительства, военного, морского ведомств, МВД и губернских властей по аресту, выселению во внутренние губернии России, интернированию граждан воюющих с Россией стран, уличенных либо заподозренных в шпионаже или помощи противнику. Так, только в июле - сентябре 1914 года в Пскове было арестовано более 30 человек, обвиняемых в шпионаже в пользу Германии и Австро-Венгрии. По неполным данным, за 1914-1916 гг. к ответственности было привлечено более 100 человек (4).

Позднее, в начале войны, в ГЖУ, жандармско-полицейское управление в Пскове и жандармский пункт в Великих Луках, а также на имя губернатора, который привлекал для проведения конкретных мероприятий чинов городской и уездной полиции, поступала информация о тех или иных институтах, обществах и фирмах, служащих прикрытием для деятельности иностранных разведок. Так, в 1914-1917 годах в ГЖУ поступили указания о закрытии филиалов и отделений АО «института Шimmelъфенга», торгово-промышленного предприятия «Гилихес», общества «Клячкин и К^о», которые вели «шпионскую деятельность». Указание в Пскове и Великих Луках было незамедлительно выполнено, причем для этого были привлечены силы не только ГЖУ, Великолукского жандармско-полицейского отделения Петроградско-Виндавского жандармско-полицейского управления железных дорог, но и губернской полиции (сыскного отряда и псковских городских, за что им была объявлена благодарность и выписана премия от 5 до 15 рублей) (5).

Накануне войны, в 1913 году, по инициативе ГЖУ и при активном участии полиции, губернских властей (в том числе и земских), в Пскове подвергается реформированию

адресный стол, состоящий в ведении сыскного отделения. На нем лежали обязанности по учету проживающих граждан, выдаче справок и т.п., в 1914 году его функции расширяются, пишется новая «Инструкция» и «Правила об организации адресного стола при Псковском сыском отделении». «Правила» обязывали хозяев гостиниц и дворов в течение суток сообщать о поселившихся иностранцах, их поведении (6). Впоследствии, в годы войны деятельность адресного стола сыграла заметную роль в осуществлении контрразведывательных мероприятий по выявлению лиц, ведущих подрывную и разведывательную деятельность.

В целом необходимо отметить, что в губернии накануне и в годы войны наметилось достаточно сложное взаимоотношение между Контрразведывательным отделением (КРО) штаба Петроградского (с августа 1914 года - Двинского военного округа), КРО штаба Северного фронта, с одной стороны, и ГЖУ, губернскими властями - с другой, что нередко выражалось в отсутствии согласованных действий. В проведение контрразведывательных мероприятий в годы войны в губернии были вовлечены разнообразные ведомства, архивные источники дают возможность предположить, что зачастую именно жандармерия, а также городская и уездная полиция несли на себе большую часть активных контрразведывательных мероприятий.

Активизация работы КРО, а соответственно и ГЖУ и местных псковских властных структур, приходится на июль 1914 года. За несколько дней до войны, 23 июля 1914 года из штаба округа и штаба отдельного корпуса жандармов поступает циркуляр о том, что в случае начала войны «все запасные чины воюющих с нами государств будут признаны военнопленными» и должны быть «немедленно задержаны и выселены во внутренние губернии». По отношению к другим иностранным гражданам циркуляр указывал, что в случае наличия улик, доказывающих их шпионскую деятельность, они подлежат немедленному аресту и преданию суду. В случае отсутствия доказательств, подозрительных иностранцев следует выселить. Циркуляр также предписывал,

что в случае, если германские и австро-венгерские подданные продолжают «мирно заниматься своим делом и находятся вне подозрений», то они могут оставаться на своих местах и «пользоваться покровительством наших законов».(7) 23 июля же в Пскове по предписанию КРО штаба округа начинаются первые аресты подданных Германии и Австро - Венгрии, заподозренных в шпионаже. Аресты в крупных городах, как правило, производило ГЖУ, в уездах это возлагалось на полицейские власти. Губернатор своими распоряжениями приказывает городской и уездной полициям оказывать «всяческую помощь» ГЖУ и «другим силам» в «выявлении, поимке лиц, занимающихся военным шпионажем». Так, еще раз, в условиях чрезвычайного положения, полиция обязывалась выявлять иностранных граждан, определять их национальность, выяснять их принадлежность к военной службе, привлекались ли эти лица к суду, состояли ли под арестом, сколько времени проживают в губернии. 29 июля из КРО штаба Петербургского округа в ГЖУ приходит телеграмма о необходимости «отобрать» у лояльных иностранцев подписку о невыезде и обязать полицию осуществлять наблюдение над этой категорией лиц, находясь в постоянном контакте с ГЖУ. Следующей телеграммой, 1 августа, КРО обязывает ГЖУ следить за нераспространением сведений, составляющих государственную тайну, к которой КРО относит информацию о передвижении войск «и вообще же сведений, касающихся внешней безопасности России или вооруженных сил, или сооружений...».(8)

Позднее, в сентябре - октябре 1914 года, в канцелярию губернатора и ГЖУ от начальника КРО штаба Двинского военного округа, штабс-капитана Алексеева, поступают указания о введении военной цензуры за газетами и журналами, запрещении пользоваться радиостанциями и аэропланами, контроля за банковскими счетами поднадзорных лиц. В это же время Главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич предписывает губернаторам западных областей не допускать возвращения выселенных, установить еще больший контроль за иностранными гражданами, в особенности немцами и австрийцами.(9)

Итоговым, обобщающим документом, этого периода, поступившим в ГЖУ и Псковскому губернатору, являются разработанные лично генерал-лейтенантом П.Г.Курловым «Правила о ведении контрразведки в районе Двинского военного округа и на театре военных действий».

Несколько слов об авторе и причинах появления этого документа. Павел Григорьевич Курлов был минским губернатором, занимал должности вице-директора и директора департамента полиции, товарища Министра внутренних дел (январь 1909 - октябрь 1911 гг.), в 1914 году был назначен генерал-губернатором Восточной Пруссии, затем с сентября 1914 года - помощник главного начальника Двинского округа по гражданской части, позднее - с августа 1915 года он являлся генерал-губернатором Прибалтийских губерний. По назначении на должность помощника начальника округа по гражданской части, он получает в ведение от князя Н.Е.Туманова административное управление, а также военную цензуру и контрразведку, учитывая службу П.Г.Курлова в МВД.

Будучи с первых дней войны на театре военных действий, П.Г.Курлов неоднократно отмечал хаотичность, беззаконие, произвол и некомпетентность, проявленную военными в делах гражданского управления и контрразведывательной деятельности. В своих мемуарах он пишет, что в начале войны многие армейские офицеры не имели ни малейшего понятия о методах и особенностях ведения подобных дел, на местах не имелось четкой правовой базы. Поэтому армейские власти и отдельные должностные лица пытались заниматься не свойственными, с точки зрения П.Г.Курлова, им вопросами: «борьбой со спекуляцией, дороговизной, политической пропагандой и даже рабочим движением». (10) Инициатором этого направления П.Г.Курлов называет генерала Н.С.Батюшина, который в 1915-1916 гг. руководил КРО Северо-Западного, а позднее Северного фронта, одного из известнейших деятелей российской контрразведки периода Первой мировой войны. Причем П.Г.Курлов весьма резок в своих оценках деятель-

ности Н.С. Батюшина, называя ее «формой белого террора», за массовые и не всегда оправданные аресты, вмешательство в деятельность политической полиции, попытки контроля за состоянием «рабочего вопроса», последствием чего являлось забастовочное движение (11). Н.С. Батюшин, спустя более чем 20 лет, в своей книге «Тайная военная разведка и борьба с ней» обосновывал свои действия необходимостью полномасштабного контроля за внутренним положением дел не только у противника, но и в собственных тылах. При этом объектом тайных разведывательных действий и политического контроля должны являться «все стороны... материальной и духовной деятельности... народов» (12).

Сложившееся положение дел, некоторая неразбериха в осуществлении контрразведывательных мероприятий в начале войны подвигли П.Г.Курлова, которому была подчинена контрразведка, выработать особые «Правила о ведении контрразведки в районе Двинского военного округа и на театре военных действий», подписанные в октябре 1914 года.

«Правила» П.Г.Курлова предусматривали, что основными органами, ведущими контрразведывательную деятельность, становятся более профессиональные в розыском деле губернские жандармские управления, жандармско-полицейские управления и чины общей губернской полиции. Однако их деятельность должна проходить под наблюдением «помощника Главного начальника округа». Таким образом, П.Г.Курлов стремился централизовать органы, ведущие контрразведывательную деятельность, устранить или максимально ограничить вмешательство не всегда компетентных в этих вопросах армейских офицеров. ГЖУ и полиции рекомендовалось активизировать действия по «приобретению» агентов, предполагалось увеличение ассигнований на оперативные нужды. Все сведения, относящиеся к контрразведывательным, поступающие из оперативных источников, военной цензуры, должны накапливаться в ГЖУ, «чины общей полиции, не производя разработку полученных сведений, сообщают таковые начальникам ГЖУ». (13)

ГЖУ при получении данной информации должны были приступить к проверке и проведению оперативных мероприятий по изобличению и аресту повинных в шпионаже. Следственные действия, согласно 1035 статье Уголовного Уложения, должно проводить ГЖУ, или, сообщив об аресте и ходе дознания прокурорам окружных судов, действовать в дальнейшем по их указанию. П.Г.Курлов подчеркивает, что если следствие проведено «с достаточной полнотой и преступное деяние очевидно, то дело направлялось военному прокурору».(14) В случае недостаточности улик автор ориентирует ГЖУ и полицию на использование административных мер воздействия, прибегая к полномочиям губернатора и войсковых начальников.

«Правила» стали весьма важным документом в ситуации правового вакуума (общероссийское «Наставление по контрразведке в военное время» было утверждено лишь в июне 1915 года) и в деле координации усилий различных ведомств, сосредоточения руководства контрразведки в одних руках, а также с точки зрения привлечения к контрразведывательной деятельности опытных офицеров полиции и жандармерии. Однако уже в ноябре 1914 года П.Г.Курлов назначается генерал-губернатором Прибалтийских губерний, а в августе 1915 года он направляется в Петроградский военный округ, и его «Правила» так и остались нереализованными. Кроме того, в связи с перераспределением полномочий в пользу ГЖУ, против «Правил» высказались начальник штаба 6-й армии М.Д.Бонч-Бруевич, его сотрудник Н.С.Батюшин, и, как это ни удивительно (о чем пишет сам П.Г.Курлов), В.Ф. Джунковский - начальник Отдельного корпуса жандармов. В июне 1915 года, спустя почти год после начала войны, Верховный Главнокомандующий утвердил новое, общероссийское «Наставление по контрразведке в военное время». Этот документ определил, что главной целью КРО является «ограждение войск, штатов, управлений...обслуживающих армию, от проникновения в них агентов противника». Для достижения этой цели КРО должны были использовать разнообразные

формы и методы работы, среди которых был розыск подозреваемых в шпионстве лиц, наружное наблюдение за подозрительными иностранцами и их контактами, перлюстрация корреспонденции, контроль за общественным настроением, наблюдение за поведением личного состава действующей армии. После выхода в свет «Наставления» окончательно определяется структура контрразведки: КРО Ставки (штаба Верховного Главнокомандующего); КРО штаба фронта; КРО армий, входящих в состав фронтов, КРО военных округов на театре военных действий. К осуществлению контрразведывательных мероприятий на местном уровне весьма активно привлекались жандармерия (имевшая опыт политического сыска) и полиция (борющаяся с уголовной преступностью и контролирующая общее положение дел в населенных пунктах).

С первых военных дней контрразведывательные мероприятия в губернии координируются и направляются из штаба отдельного корпуса жандармов в Санкт-Петербурге и КРО штаба Двинского военного округа. В Псковское губернское жандармское управление направляются ориентировки с описанием внешности, рода занятий, черт характера лиц, заподозренных в шпионаже и объявленных в розыск. ГЖУ, в свою очередь, по получении сведений об иностранцах в уездах губернии, направляли исправникам циркуляры с требованием «собрать совершенно негласным путем... самые подробные сведения о поведении, нравственных качествах, уголовной судимости, политических воззрениях»(15) тех или иных иностранных граждан. Губернатор в самом начале войны обязывает полицию составлять более подробный список, арестовывать подозрительных и «тщательно наблюдать» за поведением и перепиской всех иностранцев.

С момента создания Северного фронта в 1915 году работа по наблюдению за иностранными подданными в городе и уездах продолжалась, за подозрительными устанавливалось негласное наблюдение, филеры фиксировали их встречи и контакты. Нередки были записи о том, что наблюдаемые объекты: «Табачный», «Парикмахерша»,

«Крестьянка» и другие, «вели разговоры с сестрами милосердия о количестве раненых в госпитале», с офицерами о времени отправки в действующую армию, с железнодорожными рабочими о «тяжелом труде во время войны и о количестве пропущенных эшелонов». (16) Из штаба округа, штаба отдельного корпуса жандармов, реже из КРО фронта, из других губерний в 1915-1917 гг. продолжали поступать ориентировки на лиц, заподозренных в шпионаже, запросы иногда сопровождалась фотографиями лиц, подозрительных документов. Внимание обращалось на подданных Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии, поляков и китайцев. Циркуляры КРО штаба Двинского округа в 1915-1916 гг. сообщали о лицах, прошедших специальное обучение в школах и вербовочных пунктах Сперневицы и Влоцлавск, созданных на территории Польши, и обращали особое внимание ГЖУ именно на подобных агентов немецкой разведки.(17)

Другим направлением контрразведывательной деятельности в губернии становится военная цензура. ГЖУ в 1915-1916 гг. активизирует перлюстрацию корреспонденции. Это дало положительный результат: был изблечен ряд лиц, ранее не заподозренных в шпионаже, при этом использовались материалы дешифровки писем, присланных из штаба отдельного корпуса жандармов. Правда, случались и курьезы. Так, в письме крестьянина Псковского уезда, отправленном к родственнику в Петроградскую губернию, было обнаружено приглашение к приезду, поскольку автор письма обладает «зажигательной смесью». При обыске у него был изъят порох в большом количестве и 37 пироксилиновых шашек. ГЖУ тут же возбудило дело по обвинению в военном шпионаже, однако в ходе следствия выяснилось, что псковский крестьянин собрал порох на Остенском пороховом заводе, где тот в изобилии «валялся в цеху», а пироксилиновые шашки из-за брака были выброшены на заводскую свалку. «Зажигательную смесь» же он хотел использовать для охоты, для чего и пригласил в гости родственника. Дело было прекращено, крестьянин и руководство завода были наказаны в административном

порядке за «недопустимое поведение в годы войны».(18) Проверяло ГЖУ и издания периодической печати, указывая ряду издателей на невозможность отдельных публикаций в военное время, прибегая даже к аресту тиража.

Следует особо отметить усилия ГЖУ и КРО Двинского военного округа, штаба Северного фронта в недопущении посещения губернии, а особенно прифронтовой полосы и воинских формирований общественными деятелями, приезжающими по собственной инициативе, без должных документов и разрешений, т.к. подобные визиты могут «неблагоприятно сказаться на боевом духе солдат действующей армии». Это относится не только к представителям «левых партий» и революционного движения, но и к кадетам, октябристам и прочим «благонадежным партиям». КРО округа предписывает ГЖУ требовать от подобных визитеров удостоверения о политической благонадежности и специального разрешения, подписанного Ставкой, Отдельным корпусом жандармов, МВД или Главным начальником округа. (19) Предпринимали КРО и ГЖУ усилия по поиску и выявлению различных антивоенных прокламаций, листовок, воззваний, в том числе и в армии. Кроме того, КРО обязывает ГЖУ бороться с ложными слухами.

Следующим важным направлением контрразведывательной деятельности был контроль за ходом эвакуации, грузоперевозок и передвижением беженцев, о чем уже в конце 1914 года КРО сообщает ГЖУ. В 1915 году правительство, штаб округа и фронта были озабочены проблемами, связанными с передвижением, учетом и фильтрацией беженцев. Массы людей двигались беспорядочно и неорганизованно, дорожные пути забивались повозками, что очень мешало армии. В этих условиях в 1915 году Псковская губерния была разделена на несколько участков, за каждый из которых отвечал генерал или штаб-офицер, назначенный для наблюдения за порядком при движении беженцев в районах губернии, а также на нем лежала обязанность по выявлению дезертиров и подозрительных лиц согласно Циркуляру КРО штаба Двинского округа. Для этих целей

офицеры взаимодействовали с чинами общей полиции и ГЖУ. В конце 1916 года КРО штаба Двинского округа направляет телеграмму ГЖУ о принятии мер к охране железнодорожных путей, грузов и сооружений от «возможных покушений и создания затруднений к правильному и широкому снабжению наших армий».(20)

После Февраля 1917 года ситуация меняется: было упразднено ГЖУ, распущены уездные и городская полиция, народная милиция только начинает формироваться как штатная структура. Поэтому деятельность КРО штаба округа и Северного фронта испытывает серьезные трудности, но даже в этих условиях продолжается наблюдение за «подозрительными немцами, их расспросах, делах и разговорах». Однако данных о каких-либо заметных успехах по раскрытию лиц, ведущих подрывную и разведывательную деятельность в этот период, найти пока не удалось. Такое положение дел, еще более осложнившееся к осени 1917 года, сохранялось до создания в 1918 г. органов Военного учета и контроля при Полевом штабе РВС Республики Советов, которые должны были вести контрразведку.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что контрразведка, в целом, справлялась со своими задачами в годы войны. Работа органов, вовлеченных в контрразведывательную деятельность, развивалась по многим направлениям, обеспечивая необходимые мероприятия по прикрытию военных объектов и личного состава от подрывной деятельности зарубежных спецслужб. Это было достигнуто с помощью активного взаимодействия КРО штабов округа и Северного фронта с ГЖУ и чинами общей полиции.

Относительные успехи, особенно жандармско-полицейских органов губернии, в деле выявления лиц и организаций, занимающихся шпионажем, можно объяснить достаточно «сильными» и профессиональными кадрами, служившими в ГЖУ, отделениях ЖПУ и Псковском сыскном отделении. Квалифицированные «розыскники» имели большой опыт борьбы с уголовной преступностью (К.Р.Янчевский - руководитель сыскного отделения, неоднократно поощрявшийся

Министром Внутренних дел за раскрытие «громких» преступлений). И в ГЖУ был накоплен большой опыт, ведь Псковская губерния ввиду близости к столице и западным районам с конца XIX века стала местом пребывания многих неблагонадежных лиц - В.И. Ленина, В.А.Оболенского, А.Потресова, Н.Ф.Лопатина, Н.Н.Лохова и других. Сотрудники ГЖУ - ротмистр Н.П.Злобин, полковник Карл - Рудольф Карлович Утгоф и другие, успешно раскрывавшие революционные подполья социал-демократов и эсеров.

Способствовало успешным действиям жандармско-полицейских структур и наличие у них властно-исполнительных полномочий на ведение оперативно-розыскных и агентурных мероприятий, следствия, проведения обысков и арестов, тогда как КРО подобных полномочий не имели.

Несмотря на явные успехи, следует отметить и сложности в осуществлении контрразведывательных мероприятий. Если в начале войны обстановка в губернии была относительно спокойной, то с 1915 года резко возрастает поток беженцев, приближается линия фронта и увеличивается, соответственно, численность армейских и тыловых подразделений, возрастает число грузоперевозок, растет число общеуголовных преступлений, происходит смена кадрового состава жандармско-полицейских подразделений, приходят на службу лица менее профессиональные, а зачастую даже и малограмотные - все это не могло не сказаться на качестве проводимых мероприятий. Так, Псковский губернатор в 1915 году, обращаясь к Министру внутренних дел, прямо пишет о неэффективности действий полиции по пресечению незаконного проникновения турецких нелегалов в губернию, по причинам «некоторой некомпетентности в этой области чинов полиции» (21). Вызывала сложность у полиции и работа с беженцами, их документами, распределение беженцев в уездах и городах «по причине их многочисленности». В то же время в ситуации увеличения объема делопроизводства, обязанностей, численность полицейских чинов в 1915-1916 годах осталась прежней, сохранился и размер их жалованья, хотя и губернатор и чины ГЖУ

постоянно напоминали МВД, Военному ведомству о необходимости увеличения заработной платы и денег, выделяемых на оперативные нужды.

Сохранялась и межведомственная разобщенность: чины общей полиции неоднократно отмечали высокомерное отношение к себе со стороны полиции политической, а армейские офицеры «терпели по необходимости» жандармерию. М.Д. Бонч-Бруевич, начальник штаба Северного фронта, которому непосредственно подчинялась контрразведка, в своих мемуарах писал, что сама постановка этого дела была «порочна в самой своей основе». Это, по мнению генерала, было связано с деятельностью жандармских офицеров, которые отвечали за контрразведку в начале войны. «Никакой связи контрразведки с боевыми операциями и тактическими действиями наших войск с целью прикрытия их от разведки противника жандармские офицеры эти наладить не могли, ибо не знали оперативной и тактической работы штабов и были недостаточно грамотны в военном деле». (22) М.Д. Бонч-Бруевич критикует жандармерию за «шпиономанию», необоснованные аресты и гипертрофированное внимание к революционным элементам. Положение дел стало меняться в лучшую сторону после одобрения Верховным Главнокомандующим «Проекта наставления по организации контрразведки в действующей армии», разработанного генералом.

Предусматривалось создание во всех армейских штабах контрразведывательных отделений с офицерами генерального штаба, которые осуществляли тесную связь с оперативными и контрразведывательными отделениями штабов.

Кроме того, общая полиция в ряде случаев явно неохотно «включалась» в контрразведывательные действия, а иногда и откровенно ими манкировала, ссылаясь на нехватку людей и большую загруженность повседневными делами. В то же время жандармские чины ставили превыше всего борьбу с революционными элементами. А военные власти Северного фронта нередко сопротивлялись попыткам жандармерии и полиции задерживать, арестовывать и контролировать

перепишку нижних чинов и офицеров, находившихся в госпиталях губернии, о чем командующий Северным фронтом Н.В. Рузский гневно пишет начальнику ГЖУ (23).

Был и совершенно парадоксальный случай разгона всего контрразведывательного отдела штаба Северного фронта, который произвел его «временный» Главнокомандующий генерал А.Н. Куропаткин (командовал фронтом в феврале-июле 1916 г.). М.Д. Бонч-Бруевич вспоминает, что «попав в контрразведывательный отдел... он приказал построить в одну шеренгу всех офицеров, прокуроров и следователей отдела... Куропаткин сердито сказал:

- Господа! Должен вам прямо сказать, что вашей работой недоволен не один я, Главнокомандующий фронта. Вы забыли о субординации, зазнались и, по существу, заводите смуту. Ваши неосторожные действия подрывают доверие не только к верным слугам государя, но и к особам, приближенным ко двору». Далее Куропаткин продолжил обвинения, заключив: «Работа контрразведки будет коренным образом пересмотрена. Большинство чинов отдела будет отчислено». М.Д. Бонч-Бруевич пишет, что «слова Главнокомандующего фронтом не оказались пустой угрозой, - контрразведка была разогнана и всякая борьба с немецким шпионажем прекращена». (24)

Мешали успешной деятельности и некоторая несогласованность в действиях КРО, ГЖУ и полиции, отсутствие единого органа управления контрразведкой, о чем пишут и П.Г. Курлов, и Н.С. Батюшин. Нужно также признать - негативно на контрразведывательной деятельности сказывались и субъективно-политические разногласия среди высшего руководства страны и армии. Возможно, также следует согласиться и с П.Г. Курловым в отношении того, что КРО нередко брали на себя разнообразные функции, что вело к «распылению» сил и средств.

Однако и Н.С. Батюшин, объясняя свои действия, весьма аргументированно писал, что «сама жизнь заставляла все более и более раздвигать рамки понятия о контрразведке, широко захватывая экономическую жизнь страны». Столь «широкий захват» контрразведка

на Северном фронте приобрела в связи с масштабами территории, входящей в сферу влияния Северного фронта - от Финляндии (где приходилось учитывать «центробежные стремления финнов и шведов») до Беломорья и Прибалтики (где следовало обращать внимание на национальные интересы латышей и немцев). «В день мне приходилось подписывать... до ста бумаг, которые проходили по контрразведывательному отделению... кажется, не было министерства, с которым мне не приходилось иметь дела», - вспоминал Н.С.Батюшин (25).

Тем не менее за 14 лет существования (с 1903 года), за 4 военных года был накоплен колоссальный опыт, выявлены сложности и проблемы в организации и деятельности контрразведки, которые успешно преодолевались впоследствии.

Тем не менее за 14 лет существования (с 1903 года), за 4 военных года был накоплен колоссальный опыт, выявлены сложности и проблемы в организации и деятельности контрразведки, которые успешно преодолевались впоследствии.

Примечания

1. Псковский край в истории России. Псков, 1996, с.187.
2. Там же.
3. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 262, оп.4, д.4, лл.7-9.
4. ГАПО. Ф. 262, оп.4, д.26; Ф.226, опись № 1,2,4.
5. ГАПО. Ф. 123, оп.1, д.3, л.21-21об.
6. ГАПО. Ф. 122, оп.2, д.6^б, л.6-7.
7. ГАПО. Ф. 262, оп.4, д.6, л.1.
8. ГАПО. Ф. 262, оп.4, д.6, л.11.
9. ГАПО. Ф. 262, оп.4, д.6, л.34.
10. Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.,1991. С.181-182.
11. Там же, с.182.
12. Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М.,2002,с.19.
13. ГАПО. Ф. 262, оп.4, д.16, лл.39-40.
14. ГАПО. Ф. 262, оп.4, д.16, л.40.
15. ГАПО. Ф. 262, оп.4, д.4, л.20.
16. ГАПО. Ф. 262, оп.4, д.23, л.11, 55-57.
17. ГАПО. Ф. 262, оп.4, д.7, лл.439,428.
18. ГАПО. Ф. 262, оп.4, д.17.
19. ГАПО. Ф. 262, оп.4, д.6, л.76.
20. ГАПО. Ф. 262, оп.4, д.7, л.52.
21. ГАПО. Ф. 20, оп.1, д.3115, л.44.
22. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть советам. Воспоминания. М.,1958, с. 57-59.
23. ГАПО. Ф. 20, оп.1, д.3144, л.18.
24. Бонч-Бруевич М.Д. Ук.соч., с.101-102.
25. Батюшин Н.С. Ук.соч., с.133-134.

П. Г. Курлов (1860-1923).
С 1909 по октябрь 1911 г. - товарищ
министра внутренних дел, с ноября 1914
по август 1915 г. - особо уполномоченный
по гражданскому управлению
Прибалтийскими губерниями.

Н. С. Батюшин. (1874-1957).
Начальник КРО Северо-Западного (1914-
1915) и Северного (1915-1917) фронтов.

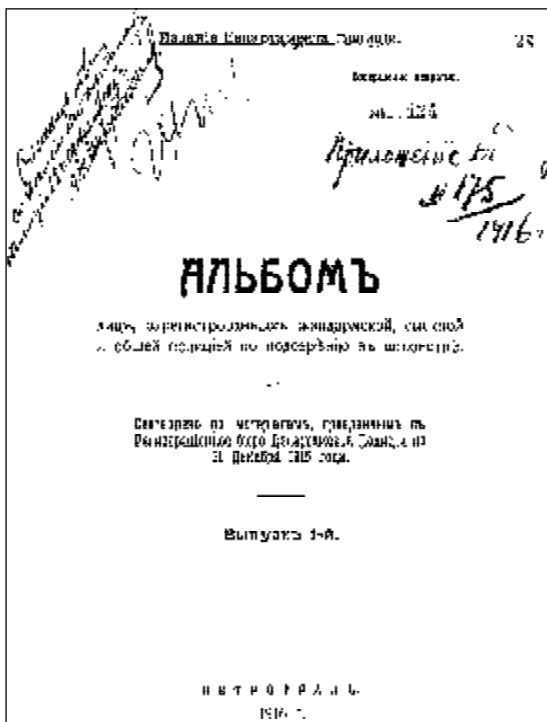
М. Д. Бонч-Бруевич (1870-1956).
С октября 1914 г. - генерал-квартирмейстер
штаба Северо-Западного фронта, с апреля
1915 г. - начальник штаба 6-й армии, до
февраля 1916 г. - начальник штаба
Северного фронта. С марта 1916 г. -
начальник гарнизона Пскова.

Ю. Н. Данилов (1866-1937).
В июле 1914 - августе 1915 - генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего, с августа 1916 по апрель 1917 - начальник штаба Северного фронта.

Н. В. Рузский (1854-1918).
В 1914-1915 гг. - командующий Северо-Западным фронтом, с августа по декабрь 1915 и с августа 1916 по апрель 1917 гг. - командующий Северным фронтом.

Альбом с фотографиями и описаниями лиц, заподозренных в шпионаже, составленный в Департаменте полиции МВД. 1916 г.

Здание Мужской гимназии в г. Пскове, где находился штаб Северного фронта и КРО фронта.

Группа контрразведчиков штаба Северного фронта. 1917 г.